

Вячеслав Прах

Твой оборванный сон

Вячеслав Прах

Твой оборванный сон

«Издательские решения»

Прах В.

Твой оборванный сон / В. Прах — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830654-9

Читайте медленно, ведь вы можете пропустить самое главное. Не смакуйте, на этот раз вам не понравится вкус моего произведения. Оно горчит и обжигает небо. В нем много неба и мало почвы, по которой ступают наши пятки. И кто-то когда-то будет целовать ваши следы, если вы исчезнете вдруг. В моей книге присутствует зритель, убийца и Бог. И все эти три лица наденет на себя лишь один персонаж. Второстепенный, но не менее важный.

ISBN 978-5-44-830654-9

© Прах В.

© Издательские решения

Твой оборванный сон

Вячеслав Прах

© Вячеслав Прах, 2016

Редактор Ляля Левещенко

ISBN 978-5-4483-0654-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Спасибо тебе за то, что однажды вошел в нашу семью. Ты оставил после себя так много.

Самому светлому человеку посвящается...

В тот день, когда он умер, не наступил конец света. Даже не было грома, а дождь начался только внутри тех стен, где еще вчера слышался его голос. Это стало мировой трагедией для одного человека, последним кругом ада, когда весь мир сгорел дотла, а она босиком ходила

по еще теплому пеплу. Сгорел дом, который он построил своими руками, она входила в него, боясь прикоснуться к тем стенам, к тем обвалившимся балкам, казалось, вот-вот земля под ногами станет рыхлой, и тело провалится в пропасть. Она не узнавала больше тот родной дом, это было чужое место, чужие окна, чужой двор. Вслед за домом сгорела мечта. Когда пламя охватило ноги и уже касалось пальцев руки, Юлия осознала, что она не может сгореть, как бы ей этого ни хотелось. Каждая клетка тела испытывала невыносимую муку, ярость, борьбу. Она боролась с собой, чтобы хоть на секунду не поверить тем лгунам, не усомниться в том, что он живой. А черные лица бывают лишь в страшных снах. Закрой глаза, вокруг тебя столько родных, что ни одна рука не позволит тебе прислониться к холодному полу. Когда умирает самый родной человек – ты не умираешь вместе с ним, вместо этого остаешься, чтобы смотреть на его смерть. Когда его не живого моют, одевают в самый нарядный костюм, кладут в гроб, читают молитвы и отдают земле. Если такое испытание выносит человеческая душа, то что это за слово такое – «невыносимо»?

Я не видел твоей смерти и не прощался с тобой, возможно, поэтому в моей памяти Ты остался живым.

В тот же день я написал Юлии письмо.

«Я знаю, ты сильная», – говорил я самой слабой женщине. Знала бы она, что однажды судьба или Бог оторвет ее душу прилипшую, мокрую от тела того, чьи шаги она бы узнала за миллион километров, дорог. Захотела бы она сбежать при первой же встрече, закрыться на сотни замков и дать клятву забыть навсегда ее будущего? Я думаю, нет. Ведь даже, если бы он пришел к ней безногим, она бы целовала колеса. Губами горячими холодный металл. Она бы приняла его на пороге и отнесла на руках к детям...

«Папа живой, он останется навсегда», – не дано зачитать по остывшим губам.

«Мы знаем, ты сильная», – говорили они, когда она проронила бокал с белым вином. Когда были в крови ее руки, а лапы огромные рвали на части ее шею и грудь. Когда она подавилась всего на секунду, для тех, кто стоял в стороне, показалось, что она на неделю умолкла, забыла, как говорить. Как попросить, чтобы его сегодня же привезли и вернули? Она ведь не все сказала ему, никто снаружи не знает о планах, что остались внутри. Когда клыки ледяные разодрали живот, а весть о том, что от голода умирают, грела ее намного сильнее слов «мама», «поспи сегодня с нами», всем показалось, что с ума сошли все, кроме нее. И что утро никогда не наступит при полной луне.

Я знаю, ты слабая. Замерзшая, голая. Тебя оставили зимой на дороге от холода погибать. Каждый считает, что его рубашка будет теплее, укутывают, как лялю. Ласкают. И ждут, когда ты встанешь, отойдешь от недуга и начнешь дальше жить. Будто так просто проснуться, когда ты всего лишь умер. Когда ты немного при жизни и различаешь лишь те голоса, в которых никогда больше не будет нужного. Голоса... Мечты отмирают в утробе. Ель пахучая и живая. Искусственный снег.

Это всего лишь письмо из снежного ноября от твоего младшего брата. Это всего лишь слова, которые тебя не смогут обнять».

Я бы хотел тебя обнять, родная.

Уже третий день его нет. Эти слова для меня настолько чужие и холодные, что я не мог произносить их вслух. Бедная... Как это страшно, когда боишься остаться одна в собственном доме. Заблудиться в темном коридоре и не найти выход, куда бы можно было сбежать. Все

настолько чужое вокруг, что и себя ощущаешь чужим. Юлия говорит, что сейчас у нее много слез потому, что Он не позволял ей плакать при жизни. Когда женщине дарят цветы и внимание, она цветет и пахнет. Да, это правда. Юлия становилась только красивее с годами. Когда мы с ней куда-то выходили вдвоем, многие думали, что мы пара, хоть я на тринадцать лет ее младше. Я теперь переживаю за ее красоту...

Письма, отправленные в небо...

«Я ничего не понимаю, папа. Все куда-то мчатся, спешат. Очень много родных сегодня у нас собралось, так бывает в мой День Рождения. Остальных я не знаю, так много чужих людей. Они не обращают на меня никакого внимания, проходят мимо, отодвигая меня аккуратно в сторону, а раньше я не слезала с их рук. Я самая яркая, самая любимая, самая маленькая. Красавица и принцесса. Папа Андрей, я тебя давно не видела у нас дома. Я больше никогда тебя не увижу? Взрослые говорят, что я тебя не запомню. Они думают, что я крохотная и не слышу того, о чем они говорят. Я все понимаю. Даниил мне сегодня сказал, что ты на небе, в раю. Что ты увидишь Бога и станешь нашим ангелом. Это ему так мама сказала. А еще они говорят, что ты сильнее любил меня. Я ведь папина дочка. Я ведь твой последний шедевр. Когда я стану взрослой, меня будут спрашивать, а я скажу, что мой папа умер, когда я была очень маленькой. Я вырасту и пойму, как сильно ты меня когда-то любил.

Твоя принцесса, Диана».

«Мне не нужно ничего, пусть Бог заберет все, что есть у меня: мое зрение. Я стала так плохо видеть, размыто, всматриваться в знакомые лица, чтобы вспомнить на секунду, признать. Мой слух. Я пропускаю все разговоры, все звуки, все стуки, я уже стала стеной. С каждой минутой я понимаю, что слышат глухие – они слышат не море. Что видят слепые – они видят не тьму. Мой голос. Забери и его! Когда в последний раз я проронила хоть слово, скажи. Это было вчера или два года назад?

Забери мою красоту, мою женственность, мои оставшиеся дни забери. Только не трогай моих детей, чужих детей и тех, кому мы нужны. Я взамен отдам свою честь. Верни мне его!»

Поставьте перед ней стакан с отравленной водой, и она выпьет его залпом.

– Ты обязана жить. Тебе есть, ради кого.

Письмо мужчины.

«Привет, папа. Я теперь защитник семьи. Я слушаюсь маму, она сказала, что теперь я единственный мужчина в доме. Я помогаю ей во всем, не бывает «женской» и «мужской» работы. Я всегда для нее буду надежной опорой. Когда она берет меня за руку, я чувствую, что моя рука сильнее ее. Ты был большим и сильным, таким становлюсь и я. Нам сейчас особенно трудно без тебя, мама себе во многом отказывает, чтобы мы были сыты и хорошо одеты с сестрой. Я хочу вырасти и заработать много денег, как ты, чтобы мама больше никогда себе не отказывала. Она очень красивая, красивее многих мам. Она очень любит нас, хотя иногда раздражается, если я делаю что-то не так. Но потом успокаивается, плачет и целует всего меня, как маленького ребенка, я уже вырос давно, но она этого не замечает. Еще я присматриваю за Дианой, у мамы сейчас очень много дел. Мы каждый день тебя вспоминаем, папа. Я помню, как ты катал меня на машине, отвозил на футбол. Я не брошу занятия, только теперь буду ходить пешком.

Тебя нет всего пару дней, но если бы ты вернулся, то увидел бы, что за это время изменилось все. Если бы ты вернулся, тебе были бы так рады, как никогда. Мама перестала бы плакать

и стала бы самой счастливой на свете, она родила бы тебе еще одного малыша, нашего братика. Да, она так говорила. А мы с Дианой обнимали бы тебя каждый день так, словно завтра тебя снова может забрать у нас Бог.

Так жаль, что ты не можешь умирать, а затем, спустя пару дней, возвращаться. Тебя тогда любят сильнее.

Твой сын, Даниил».

Если сравнить эти три письма, то можно обнаружить, что они пишут об одном и том же. Об одной трагедии. Только дети обращаются к отцу, пытаясь разглядеть в синем небе его очертания, а Юлия – к Богу, сталкиваясь с призраком на каждом углу этого дома.

Это был траур. Но все жили, при этом продолжали ходить на работу, заниматься бытовыми вопросами, будто ничего и не произошло. А если и было что-то, то это не оставило след в их душе. Только самые близкие почувствовали внутри себя опустошенность, тот ком горечи в горле, а с век роняли жалость к себе, но и они продолжали жить. Мир не перевернулся, не вспыхнули пламенем дома, города и страны. В тот день даже не было дождя, а мир и не знал, что на одного человека сегодня стало меньше.

Когда я спустился во двор и вышел на многолюдную улицу, я нес в себе катастрофу, словно бомбу внутри себя, мне казалось, что вот-вот взорвется весь город. Но ничего не взорвалось, прохожие шли себе куда-то и скрывались медленно за углами улиц. Молодые смеялись громко, веселились, влюбленные целовались открыто у всех на виду. И только я понимал, что у них всех сегодня праздник, ведь время еще не пришло отнимать самых близких людей.

Мне хотелось, чтобы каждый прочувствовал это горе, пронес его в себе, чтобы по телу пробежалась ледяная дрожь, а глаза стали пустыми, стеклянными. Я жестоко желал, чтобы их сердца охватила тревога и мука. Я хотел, чтобы у каждого Бог отобрал кого-то в семье.

Адресат получил ваши письма, родные. Птицы доставили весточку о нем с Небес...

«Здравствуйте, дети. Здравствуй, Юлия. Мой вам низкий поклон.

Есть такое место – его называют Небом. А небо в Раю... Вы – мои сны. Я закрываю глаза и вижу вас. Мне сейчас очень трудно покинуть землю, она сырая от ваших слез. Если бы вы знали, что сердца ваши горячие и больные терзают меня каждый раз, разбивая на миллионы осколков, частиц. Не желали бы вы мне покоя, любимые и земные? Я расскажу вам правду. Врачи солгали, что меня больше нет. Они не видели, как я встал и покинул палату, они так были озабочены моим телом, что даже не заметили, как босиком я направился к выходу по холодному коридору. Я проходил их насквозь. Они солгали, что я умер в четыре утра. Я не умер, а встал и ушел, облегченным. Все тяжкие боли покинули меня. Я не видел свет в конце тоннеля, но я видел вас. Тебя, родная моя, любимая, ты так крепко спала, что будить тебя не хотелось. Я поправил волосы на твоём лице, ты видела это, вспомни. А я видел ту гримасу боли, застывшую на твоём лице, когда тебя разбудили. Я ведь снился тебе! Дети, вы меня не слышали тогда, хотя Диана проснулась, когда я уже уходил. Я вас запомнил совсем еще маленькими, вы давно уже выросли из своих пижам. Как жаль, что вы меня не запомните. Не так, как хотелось бы мне! Я вас помню, и не было еще ни минуты, чтобы я не подумал о вас. Не верьте ни единому слову того, кто скажет, что меня больше нет. Это не так, просто получилось, что я вас могу видеть и слышать, а вы меня нет. Только дети, но вы вырастаете из своих маленьких комнат. Я даже вижу своих будущих внуков, у нас время разное. Когда наступает утро у вас, у меня уже полночь. Юлия, не плачь! Не плачь! Я говорил вам, что вы мои сны? Я закрываю глаза и вижу вас...

Я рядом... До встречи... Я рядом... Даже когда поостынут ко мне ваши сердца... До встречи на всех языках мира... Мое сердце полно вами навсегда...

Ваш папа. Из теплого Рая.

А вы знали, что у нас не бывает зим?»

А что, если переиграть весь сценарий? Пусть тот страшный день пройдет, а он останется жив. Он проснется, откроет глаза...

Юлия лежит возле него, улыбается. Сонный он, а она всю ночь не спала. Смотрела на его лицо и не могла насмотреться, она мечтала, чтобы он уже проснулся, но сама не хотела будить. Пусть спит. Этой ночью она осознала, что он значит для нее.

– Доброе утро, – прошептала она.

Он не понимал, почему так жадно рассматривает его. Почему глаза ее так горят, а слова такие теплые, нежные. Почему она этим утром влюбилась снова в него.

– Доброе утро. А что случилось?

Удивленно посмотрел на нее.

– Ничего не случилось.

Подползла ближе и положила голову к нему на подушку.

– Мне сегодня приснился страшный сон, я проснулась, а ты рядом лежишь. С тобой все хорошо.

Обняла его изо всех сил, она мечтала сделать это еще ночью, ей не хватало этих объятий целую вечность.

– Я благодарю Бога за то, что ты сегодня проснулся. Это самый счастливый день в моей жизни.

В коридоре послышался шум, и в комнату забежали дети. Даниил сочинил маме стишок, а Диана нарисовала рисунок, где мама такая красивая. Что и не разобрать, кем же дочь изобразила ее. То ли цветком, растущим у квадратного дома с окном, то ли солнцем, достаемым своими лучами крышу этого дома. А может, и мячиком, что лежал у ног мальчишки. Нет, маму Диана изобразила мамой. Она нарисовала всех четверых, где Папа самый большой, а хвостик любимый – самая маленькая. А Даниил был без зубов. Ничего, главное, что мяч рядом – заметил маленький поэт.

Юлия была очарована их подарками. Внимание и старания детей – это было для нее выше всяких похвал и комплиментов. Детские стихи – такие подарки не могут себе позволить даже те, кто в силах выкупить мир.

Да, я забыл вам сказать, что Его похоронили на ее День Рождения. Именно поэтому я хочу вернуть этот день. Ей исполнилось тридцать четыре, когда она выглядела на пятнадцать лет старше. За окном было двадцать девятое октября.

– С Днем Рождения, любимая.

Андрей спустился на первый этаж, а затем вернулся в комнату и бросил широкий букет, перевязанный толстыми нитками, у ее ног. Он никогда еще не дарил так много роз.

Она вскочила и бросилась ему на шею, он довольно улыбнулся, обхватив ее одной рукой.

Дети побежали вниз. Начался грохот и шум, а Юлия все не слезала с него.

– Ты представить не можешь, как мне приятно, когда цветы выше меня и мне нужно становиться на носочки, чтобы вдохнуть их аромат. Спасибо тебе. Но это ничто. По сравнению с тем, что у меня есть ты. Что я могу тебя потрогать (погладила его лоб, его щеки, его улыбку, да, ее можно потрогать, глубоко заглянула в глаза). Я могу с тобой разговаривать, слышать твой голос, словно в первый раз, незнакомый, но приятный голос. Мне кажется, я не слышала его вечность. Скажи мне хоть слово.

– А... Что мне сказать?

Растерянно улыбнулся.

– Скажи, что так будет всегда, как сегодня. Я буду просыпаться и видеть твое сонное лицо. Ты будешь всегда разговаривать со мной, а я с тобой. Как это важно – разговаривать друг с другом.

– Так будет всегда.

– Я бы хотела вернуть все те дни, когда мы молчали с тобой. То время, унесенное ссорами. Я бы хотела вернуть те часы, те минуты, когда мы хлопали громко дверью и закрывали ее на замок, то время, когда мы спали в разных комнатах. Я бы хотела его вернуть и прибавить к нашему будущему. Больше я ничего в своей жизни не хотела бы изменить. Я благодарна за все!

Андрей смотрел на нее, не понимая, что значат все эти слова, произнесенные ею сейчас.

Она слезла и взяла его за руку. Они присели на край кровати, отодвинув в сторону розы.

– Ты знаешь, ко мне сейчас пришло озарение, не важно, можешь называть это как угодно, а меня сумасшедшей. Мы сейчас же позвоним и отменим встречу с друзьями и родными. Я хочу, чтобы мы провели этот день семьей. Нет, не здесь. Мы купим билеты и немедленно полетим в Париж, а затем на юг Франции. Я не знаю, что со мной происходит, но я уверена, как никогда в своей жизни, что мы должны это сделать. И не важно, во сколько это нам обойдется. Не удивляйся, мне и самой странно слышать от себя эти слова, я практична и авантюризм природой не заложен во мне. Но я просто знаю это, как просветление или снизошедшую истину – мы должны это сделать сейчас.

Юлия засуетилась и начала искать паспорта.

– Я знаю... Пусть это будет самый сумасшедший шаг в моей жизни. Нет, даже не так. Мы полетим бизнес-классом, мы слишком часто отказывали себе из-за дома. Теперь мы достроили его и можем спокойно вздохнуть.

– Милая...

Он осторожно взял ее за руку.

– Объясни мне хоть что-то. Что все это значит.

– Милый, – коснулась пальцем его губ, – Доверься мне, я не могу тебе ничего объяснить, потому что и сама себя не понимаю. Но если меня ведет рука высших сил, значит, нужно следовать этому. Так нужно. Не думай ни о чем, не переживай. Что-то вокруг нас происходит такое, что поведет с закрытыми глазами туда, где мы должны сегодня оказаться.

Они спустились на первый этаж.

– Дети, собирайтесь. Мы летим в Париж...

Скованная цепями в камере пыток.

Ослабь свои руки, они сейчас слишком тяжелые. Смой все его прикосновения холодной водой. Я знаю, ты не позволишь никому больше к себе прикасаться, но на грубой коже никогда не затянется шрам. На тебе сейчас каждая рана кровоточит, не раздирай эти раны до самых костей. Оставь их, пусть они кровоточат, но не позволяй себе погибать. Слышишь?

Приложи ладонь к своей груди, сердце стучит так сильно, что может оставить синяк. Закрой глаза и следуй биению своего сердца, войди в этот ритм, а затем обмани его. Вырви из себя этот камень с нечеловеческим криком. С кровью вырви, как больной, расшатанный зуб. Пусть соль льется и наполняет море. Пусть море выходит из своих берегов. Не пытайся вернуть его, как бы страшно это сейчас ни звучало, не пытайся идти вслед за ним. Когда ты падаешь за борт, то каждому из нас становится больно, ты ведь моя кровинка, наша кровинка, а дети – ты подумала о них? Мы не можем тебя спасти, это можешь только ты и никто другой. Мы можем только ухватить тебя за руку. А ты крепко держись, не слабей. Я надеюсь, со временем ты позволишь себе спастись.

Ты мне нужна. Ты нам нужна. Спасибо Богу за то, что ты сегодня проснулась.

Она так много рассказывала ему, будто в первый день встречи. Свои детские страхи, секреты. Юношеские шаги перед дверью во взрослую жизнь. Ах, любовь, смеется, да она никого не любила. Ей просто хотелось, чтобы он ревновал.

Они ехали в аэропорт и, сидя в такси, она снова смотрела на него, она не могла оторваться. И те редкие минуты, когда замолкала, Юлия наблюдала за каждой мышцей его лица. За каждой морщинкой, когда он хмурил брови, чувствуя, что она подсматривает за ним. Ему было неловко. Она повторяла в уме: «какие красивые глаза». «Почему я раньше не замечала этого?»

– Что тебя тревожит, скажи?

Он повернулся в ее сторону, а она смотрела на его губы, его подбородок и стала всего целовать.

– Я не понимаю, – начал он, – а она продолжала влюбляться. И на секунду он понял, что она его совсем не слушает.

– Я жалею, что раньше не замечала, какой ты. И на расстоянии протянутой руки – мне тебя мало.

Посмотрела на детей. Они смотрят в окно. Улыбнулась ему так, словно что-то задумала. И он один понимает ее секрет.

– Ты ведь совсем не слушаешь меня. Я говорю, что мы даже план поездки не составили...

Все звуки ушли на задний фон, она снова утонула в нем.

В самолете дети заняли два места у окна, она по-прежнему смотрела, только теперь на его руки.

– Мы строили дом и во многом себе отказывали? – вдруг начала она. – Я смотрю на твои руки и понимаю, почему я сейчас сижу перед тобой в этом роскошном платье. Каждое мое украшение – это рана на твоей руке, и если бы они так быстро не заживали, мне было бы больно эти камни на себя надевать. Бедные руки, можно, я поцелую?

Поднесла их к губам.

– Быт, однообразие, школа, детский сад – это все меня втянуло с головой. Ты прости меня, я не уделяла тебе того должного времени, дни теряются, мы остаемся на месте, и все это – замкнутый круг. Ты и сам это знаешь. Я хочу сделать паузу и вернуться к нам. Мы забываем друг друга, становимся чужими, и только с годами нам говорят, что наши черты переплетаются между собой, а наши лица стали похожими, как у брата с сестрой. Мы разве похожи?

Улыбнулся.

Ему было приятно, что она вела разговор в таких тонах, они давно не разговаривали так.

– И ты меня прости, я порой возвращаюсь с работы уставший и вижу перед собой только тарелку, душ и кровать.

– Знаю! Я хотела тебе сказать... Я никогда такого не говорила. Поклянись, что не скажешь никому.

Он вопросительно улыбнулся.

– Я удачно вышла замуж!

– Ха. Да пусть знают все, – рассмеялся он.

Самолет делал посадку. Еще несколько минут и встречай нас, Шарль-де-Голль. А затем отвезите нас в самое сердце Парижа.

Птицы доставили еще одну весточку с неба.

«Здравствуй сын, я никогда не думал о том, что ты повзрослеешь вдали от меня. Я не мог себе представить, что наш с тобой мужской разговор может и не состояться.

Я много думал о том, как начать мне однажды этот диалог. Я даже мысленно репетировал его, еще задолго до того, как ты начал делать первые шаги. Сынок, жизнь твоих родителей – это

наша с мамой жизнь, не перекладывай на свои плечи наш груз, не иди нашим путем, иди той дорогой, куда зовет твое сердце. Возьми только самое лучшее в нас, только то, чем можно будет гордиться. Не стремись стать мною, твоя задача – стать лучше меня. Я не учитель, а только хочу тебе дать жизненно важные советы. Те необходимые знания в жизни, что позволят тебе стать полноценным. Человеком!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.